

«КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»

ИЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА —

♦ СЛЕДИТЕ ЗА АФИШЕЙ... ♦ АКТЕР, КОТОРОМУ ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ ♦ ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ ♦ «ПУСТЬ У КАЖДОГО БУДУТ ОТЛИЧНЫЕ РОЛИ» ♦ ВОЙНА ГРИБОВ

...И р а з у м с ЧУВСТВОМ СЛИТ

Что он актер — это безусловно. Что одарен в этом своем качестве — тоже не подлежит сомнению. Но мне всегда казалось и кажется, что нет в Олеге Быкове того, что называют артистизмом в его прежнем понимании. Он, например, не может быть героем-любовником, его трудно представить изящным, легким, грациозным кабальеро или испанским грандом.

«Точно, — соглашается он. — Сейчас, например, в пьесах, над которыми начинает работать театр, для меня ролей нет». А театр и его любимый режиссер Валерий Шалкин как раз приступают к постановке аleshинской пьесы «Тогда в Севилье», рассказывающей об испанской жизни четырнадцатого века языком комедии.

И в то же время смею утверждать, что без таких, как Быков, сегодняшний театр невозможен. Это актер интеллектуального типа, который так настойчиво утверждает себя в театральной культуре и которому, без сомнения, принадлежит будущее. Под интеллектом актера я подразумеваю не только разумность поведения на сцене. Тут, пожалуй, речь должна идти об особой сценической жизни, когда мы видим актера и мыслящего, и чувствующего, причем чувствующего напряженно и, если хотите, разумно.

Разумно чувствовать природу драматургического материала и в соответствии с этим своим пониманием выстраивать образ, не делая его расхожим и одноплановым и в то же время не лишая человечности, естественности, простоты, — вот что мне видится в професси-

ональном мастерстве Быкова.

И в этом плане наиболее удачным представляется созданный им образ Ричарда в пьесе Э. Олби «Все в саду». Напряженная, глубокая и очень объемная игра, без нажимов и преувеличений, без экстравагантности, к которой так легко прийти, работа над этим сложным образом. Даже показывая резкий нравственный слом героя, Олег Быков не прибегает к сгущению красок, и только рисунок роли становится как бы отточеннее, угловатее — не рисунок даже, а чуть ли не чертеж со всеми подробностями и хитросплетениями характера.

Сам актер тоже любит эту свою роль, которая позволяет ему иногда перейти к гротеску, иногда сыграть неожиданно дерзко, до «ого!» в зрительном зале.

Вообще отношения со зрительным залом для него, как я понимаю, имеют очень важное значение. Эти отношения любому артисту безразличны, но Быков воспринимает реакцию зала как то необычайно обостренно.

Есть, к примеру, у него интересная роль партобга Закирова в спектакле «Тринадцатый председатель». Человек очень неравнодушный, принципиальный, горячий, герой говорит страстные, убеждающие слова, звучащие на высокой гражданской ноте. Зал в эти минуты, как правило, замирает, вслушиваясь. И вот тут, если Быков видит скучающее лицо и если кто-то в зале вертит головой, актера это злит, и он играет, обращаясь только к этому человеку, и говорит резко, пока не добьется внимания и понимания, без которого работать вообще не

может. Эта черта характера его самого, а не его героев. Но потому-то, наверное, и создаваемые им образы несут на себе отпечаток его собственного характера — человека немного упрямого, не всегда и не со всем соглашающегося, знающего дело и требующего дела от других, особенно когда Быков пробует себя в режиссуре.

Вот, например, Давыдов в спектакле «Поднятая целина», премьера которого состоялась в театре немногим более месяца назад, накануне открытия XXVI съезда партии. Это образ многоплановый, и именно так играет его Быков. Здесь уверенность в правоте дела сочетается подчас с неуверенностью в себе, понимание необходимости перевоспитания людей — с неумением перевоспитывать, позднее желание любить и быть любимым — со страхом перед этим чувством, когда оно приходит. И надо всем — убежденность коммуниста, готового на смерть во имя правоты дела. Именно такая неординарность и подробность в создании образа делает его особенно интересным, хотя, возможно, и в чем-то спорным.

Вообще лучшую на сегодня часть репертуара нашего городского театра без Олега Быкова представить просто трудно. Потому что каждый созданный им образ интересен, замечен, памятен, а такое удается далеко не каждому. Его беспокоит глубина проникновения в круг мыслей своего героя, оттого его Давыдов во вчерашнем спектакле не похож на Давыдова, сыгранного сегодня. И Ричард, и Закиров — разные в спектаклях разных дней. Но ведь способность к постижению мыслей другого человека в огромной степени зависит от внутреннего мира самого актера.

Когда ему было 22, он сыграл в Тобольском театре драмы роль Васкова в спектакле «А зори здесь тихие...», и эта роль его была отмечена на Всесоюзном совещании критиков как одно из лучших воплощений образа и как одна из лучших работ молодых актеров. Потом он много ездил по стране, и теперь говорит об этом с сожалением — кочевая жизнь, по его мнению, задержала рост профессионального мастерства. Он мог бы теперь больше, много больше...

Хочется верить в это. Хочется думать, что он способен на пристрастность к одному, к своему театру, что это будет наш театр — ведь здесь у Быкова кончается уже второй интересный, напряженный сезон. Нравится, что он горячо говорит о необходимости создания в городе творческого клуба, где могли бы собираться и вместе что-то создавать, придумывать литераторы, художники, актеры. Очень надеюсь, что здесь он останется, хотя вот уже почти два года они с женой, актрисой Надеждой Шегольковой живут в гостинице...

Хочется верить в него и в этой вере не ошибиться.

В. ПЯНКОВА.